

АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ

своих родителей,
имевших терпение всё это выслушивать,

а также

фантаста

Павла Вячеславовича Молитвина,

врача

Павла Львовича Калмыкова,

сэнсэя

Владимира Тагировича Тагирова

и всех своих товарищей по татами,

мастера

Вадима Вадимовича Шлахтера,

бывалого человека

«Медведя»

и

инженера по компьютерам

Хокана Норелиуса (Швеция)

за ценнейшие соображения и бескорыстную помощь!

Ты — всё за книгой, в чистом и высоком,
А я привык тереться меж людьми.
Тебя тревожат глупость и жестокость,
А я — мне что! Меня поди пройми.

Различье наше — в чём-то самом главном.
Я хмур и зол. Ты — светоч доброты.
Тебе не стать как я, а мне подавно,
Мой славный друг, не сделаться как ты.

Твою учёность превзойдут едва ли,
А дело к драке — тут меня держись.
И, может случиться, Боги не дремали,
Таких несхожих выпуская в жизнь?..

1. Бортник и его сын

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Бледный свет скользил по пушистым еловым ветвям, окутывал мерцающей дымкой круглые холмы предгорий и сообщал чеканную ясность далёким вершинам Засечного кряжа. Вдоль говорливой протоки, в которой полоскала белые кисти только что расцветшая черёмуха, шагали, направляясь в сторону гор, двое путешественников. Один был стройный молодой аррант с красивой шапкой тугих золотистых кудрей и тонкими, изысканными чертами лица. Такие лица нередки в знатных коренных семьях Аррантиады. Он и одет был, по обычаю своей страны, в льняную рубашку, плащ и сандалии. Юноша улыбался, с видимым удовольствием вдыхая ночной холодок. Так смотрит вперёд человек весёлый и смелый. Будь кругом посветлее, на пальцах у него обнаружили бы следы чернил.

Второй мужчина был на полголовы выше арранта и заметно шире в плечах. В отличие от спутника, он не был похож на точёную старинную статую, зато двигался, по давней привычке, совершенно бесшумно. Он шагал босиком, неся на плече мягкие кожаные сапоги, связанные тесёмками. Лунный свет метил резкой тенью длинный шрам на левой щеке. Шрам тянулся от века до челюсти, пропадая нижним концом в короткой густой бороде. И смотрел этот человек вперёд совсем не так, как аррант. В светлых глазах не было ни улыбки, ни предвкушения. Он привык рассчитывать на худшее и ждать любых пакостей от судьбы. И судьба ни в коем случае не могла бы похвастаться, что он эти её пакости безропотно принимал.

— Скоро придём, — сообщил он своему спутнику.

Сам он был из племени веннов, но по-аррантски изъяснялся без акцента, со столичным изысканным выговором; учитель в своё время попался уж больно хороший. Кудрявый парень обернулся на ходу, вопросительно посмотрел на него, и венн пояснил:

— Дымом пахнет.

Аррант потянул носом и ничего не почувствовал, но на всякий случай кивнул. Говорит — пахнет, значит действительно пахнет. Сейчас ещё скажет, что там варят на ужин. Аррант был гораздо образованней и учёней своего сотоварища, но некоторые поступки и качества венна трудно было измерить убогими человеческими мерками. Например, его нюх. Или способность видеть в темноте почти так же хорошо, как днём. Когда приличные люди не могли различить ни зги, он способен был собирать иголки, раскиданные в траве. Хватало и иных странностей. У венна даже не было порядочного человеческого имени, только прозвище: Волкодав. Оно, впрочем, удивительно ему подходило. И он однажды обмолвился, будто предок его рода в самом деле был Псом-оборотнем, спасшим Праматерь племени от лютых волков... Молодой учёный про себя полагал подобные рассказы чепухой, досужими выдумками варварского племени. Но бывали моменты, когда...

А впрочем, по большому-то счёту, какое это всё имело значение? Да никакого.

Венн шёл следом за аррантом, в трёх шагах, и не без некоторого раздражения думал о том, что они ещё недостаточно удалились от Врат. А значит, непереносимое желание Эвриха провести эту ночь под жилой крышей было, мягко говоря, порядочной придурью. Пару лет назад Волкодав успел-таки с избытком наследить в здешних местах. И вовсе не рвался зря мозолить глаза.

Эврих честно объяснил ему причину своего желания. Всякий раз, проходя Вратами в этот мир, он до урчания в животе боялся самой первой встречи с его обитателями. Ну а от того, чего боишься, следует либо по возможности бегать —

в чём немного достоинства, да и получается не всегда, — либо набраться смелости и шагнуть навстречу, а там будь что будет. Так он и теперь хотел поступить, и в этом Волкодав был с ним совершенно согласен. Другое дело, мог бы грамотей обождать с утверждением духа и до той стороны перевалов. Где некому будет узнать одиноких странников, озлиться и устроить погоню... Так нет же, вздумалось доказывать свою храбрость прямо сейчас. До дела дойдёт — кому, спрашивается, отдуваться придётся?..

Волкодав ворчал про себя, шагая вперёд, но вслух не говорил ничего. Милосердные Боги привесили ему язык не тем концом, который требовался для красноречия. Дешевле будет не связываться и заглянуть-таки на дымивший поблизости двор. Не сплошь же разбойники здесь живут. Хотя и не подарок, конечно, — сегваны. Давние переселенцы, выжитые со своих северных островов нашествием Ледяных Великанов. Эти великаны жили и разрастались в горных долинах. Временами они высовывали оттуда грязно-белые пятки и сталкивали с земли всё, что попадалось: дом — так дом, огород — значит, огород. Оттого островные сегваны уже не первое поколение семьями переправлялись на материк. Иногда они забывали, что едут не на дикое место. О том, чем в таких случаях порою кончалось дело, Волкодав вспоминать не любил. Потому что тогда у него начинали чесаться шрамы от кандалов на шее и на запястьях и хотелось, как когда-то, задушить первого попавшегося под руку сегвана. А это было плохо и недостойно потомка Серого Пса.

Ещё Волкодав видел, что хозяин близкого уже двора был бортником. Венну несколько раз попадались на глаза дуплистые липы, отмеченные особым знаменем: тремя вертикальными полосами, перечёркнутыми косым крестом. Волкодав про себя отметил, что человек, наносивший знамёна, чтит Правду лесную и не обижал доброе дерево, приютившее медоносный рой. Бортник не ранил коры, чертил знаки как подобало, кистью и краской. Может, и вправду с ним можно дело иметь...

Потом мужчины вышли на обширную поляну, и венн благодарил Лешего за тропинку. Воистину жаль было бы

топтать спящие цветы, покрывавшие поляну от края до края. В северном конце виднелись улы, сплетённые, как было принято у сегванов, из толстого соломенного жгута.

Скоро между деревьями показался и двор, обнесённый высоким, крепким забором. По ту сторону забора сейчас же в несколько голосов залились псы.

Бортник Бранох с чадами и домочадцами собирались уже ложиться спать, когда снаружи встрепнулись собаки. Люди в предгорьях, бывало, шатались всякие, а потому в дополнение к охотничьим лайкам Бранох год назад привёз с галирадского торгового суку и кобеля знаменитой сольвеннской породы. Это были поджарые, остроухие, зубастые псы, исходящие бешеной злобой при малейшем признаке чужаков. И чуть не от рождения знающие, как поступать, если замачиваются ножом.

К прочной дощатой калитке извне было приделано кованое кольцо. Пока Бранох переглядывался с сыновьями, за это кольцо взялась решительная рука и громко постучала в гулкие доски. Делать нечего, мужчины вооружились копьями и пошли разбираться.

Сольвенские сторожа неистово хрипели в ошейниках и поднимались на задние лапы, натягивая цепи. Лайки вертели и гавкали перед калиткой, но за забор не совались.

— Кто там? — не слишком ласково осведомился Бранох, раздвигая сапогами пушистые собачьи бока. — Кого Хёгт среди ночи по лесу носит?..

— Пусти до утра, добрый хозяин! — долетел снаружи звонкий молодой голос. — Мы мирные странники, людям никаких обид не чиним!

Бранох недовольно нахмурился. Ему не нравилась явная молодость говорившего. Да и в мирные намерения стоявших по ту сторону тына он, Хёгт проглоти, не больно-то верил. То есть, лучше сказать, не верил совсем.

— Идите-ка вы своей дорогой, перехожие люди, — посоветовал он незваным гостям. — А то как бы у меня злые собаки привязь не оборвали.

Двух ночей ещё не минуло с той поры, как такие же ночные пришельцы пожаловали к кострам пастухов, присматривавших за скотиной богатого соседа, сыродела. Сыр, сметану и знатное масло соседа уважали в стольном Галираде, не брезговал отведать и сам кнес, Глузд Несмеянович. Однако пришельцы никакого вежества не понимали. Нахально водворились к огню и потребовали, чтобы работники сейчас же зарезали им на ужин корову. Да не какую-нибудь старую и жилистую, а молодую, нежную и жирную. Висельников было числом семеро, пастухов больше, и пастухи затеяли было дать отпор. Однако нарвались на отъявленных вояк, наёмников, зарабатывавших на жизнь беспощадным умением драться... В общем, кончилось дело выбитыми зубами и сломанными рёбрами. Благодарение Храпну хоть за то, что никого не убили. Зато, словно в насмешку, прирезали самую лучшую молочную корову соседа, от которой добрый сыродел думал в этом году дожждаться ещё и телёночка. Остальных коров, разбежавшихся по лесу, пастухи и нынче ещё собрали не всех. Бортник тихо подозревал, что сосед, горько плакавший над искромсанной тушей любимицы, предпочёл бы похоронить вместо неё одного-двух разинь, не сумевших отстоять хозяйского стада. У самого Браноха работников не было, только сыновья, невестки да внуки. Пустишь чужаков в дом, ведь не оберёшься беды. А не пустишь — как разойдутся ещё улы-то поджигать... Не-ет, надо гнать сразу и так, чтобы обратную дорогу забыли. Тем более что младший сынишка, Асгвайр, уже приник острым молодым глазом к нарочно пробуравленному отверстию и обнадёжил:

— Их там, батюшка, всего-то двое и есть.

Бранох отстранил меньшого и посмотрел сам. Если бы перед калиткой переминалось двое беззащитных горбатых калек, почтенного сегвана, вероятно, уколола бы совесть. Но на вытопанной плечи стояли два крепких плечистых парня, по виду — сами кого хочешь сожрут. Особенно не понравился Браноху тот, что был повыше. У него, ко всему прочему, ещё и серебрился над правым плечом безошибочно узнаваемый черен меча, и бортник понял: Хёгг вывел к его подворью отставших приятелей тех семерых.

— Спускай Волчка! — велел он младшему сыну.

Ошейник лютого кобеля был пристёгнут к цепи особым хитрым устройством, за которое Бранох заплатил мастеру-кузнецу два горшка лучшего цветочного мёда. Как ни рвись пёс, защёлка держала надёжно. Зато спустить мохнатого зверя легко могла даже маленькая внучка, не говоря уж про семнадцатилетнего сына. Не надо возиться, расстёгивать непослушную пряжку. Надави двумя пальцами — и пёс полетел...

...И пёс полетел. Бурой молнией через двор, оставив свирепую подругу беситься и подвывать на цепи. Потом, без поддержки, в нарочно для него устроенный лаз под калиткой. Лайки звонким горохом выкатились вслед вожаку. За тыном испуганно вскрикнули. Сыновья бортника захохотали и полезли смотреть через забор. Самому хозяину вскакивать на приступок было вроде как не по достоинству, но и он не утерпел, вспрыгнул.

И очень вовремя.

Потому что глухой кровожадный рык Волчка вдруг сменился виноватым, просительным поскуливанием. Бранох воздел голову над забором и увидел, что грозный пёс протирает брюхом землю, ласкаясь к присевшему на корточки рослому незнакомцу. Кобель даже не то чтобы вилял хвостом — прямо-таки извивался всем задом, словно восторженный щенок. Остроухие лайки вертелись тут же, умильно визжали, почтительно обнюхивали бродягу, норовили лизнуть. Ну прямо родич любимый в гости пожаловал.

Бранох что-то не припоминал этаких радостей, даже когда он сам, вскормивший хозяин, возвращался домой после долгой отлучки. Бортник почти суеверно подумал о том, что псы, кажется, в один миг успели возлюбить пришлеца, точно родного. И пожалуй, убежали бы следом за ним, вздумай только он их поманить. Мелькнуло и совсем тревожное: а вознамерся он их натравить на обитателей дома...

Между тем собачий родственник выпрямился. Луна светила ярко, и Бранох, без того жестоко ошарашенный поведением верных псов, загоревал окончательно. Волосы незнакомца были заплетены в две косы и перетянуты ремешками. Венн!.. Только этого племени ему тут ещё не хватало!..

Бранох вполголоса помянул трёхгранный кремень Туннворна и украдкой оглянулся на сыновей. Сыновья творили охранные знаки могучего Храмна, Отца Премудрости, и Роданы, Подательницы Потомства. Все знают, что псы никогда не лают на колдунов. И ещё — на Богов, когда Они решают почтить людей Своим посещением. Но чтобы порядочный сегванский Бог явился в облике венна?.. Ясное дело — колдун!

Тем временем венн обозрел головы бортникова семейства, торчавшие над тыном, и впервые подал голос:

— Может,пустишь собачек обратно во двор, хозяин? Да и нас с ними заодно...

Сказано это было безо всякой угрозы, но Бранох отчётливо понял: лучше пустить. Потому что венн, если пожелает, войдёт всё равно. И не помешает ему ни крепкий тын, ни четверо сыновей. Уж не помяная о внуках.

Бортник поднял из ушек крепкий брус и обречённо отворил калитку. Венн неторопливо двинулся внутрь. Свора преданно повизгивала, заглядывала ему в глаза. Его спутник, молодой красивый аррант, шёл рядом. Бранох отметил, что он взирал на происходившее с любопытством, но без особого удивления.

Пока хозяин двора и его сыновья растерянно соображали, как же поступать дальше, из дому вышла хозяйка, почтенная Радегона. И тотчас показала, что только женщина по-настоящему достойна править домом и вести племя. Она спокойно пошла навстречу жутковатым гостям, держа в руках большую свежую лепёшку, поджаренную по-сегвански, с луком и гусиными шкварками.

— Отведайте, добрые гости.

У Браноха сразу отвалился камень от сердца. Венн, а за ним и аррант низко поклонились женщине, оторвали по куску лепёшки и отправили в рот. Значит, вправду не держат за душой зла. Бортник с сыновьями подошли разделить трапезу, и только тут Бранох припомнил, что венн *заговорил* с ним, пока стоял перед калиткой. Не будь старый сегван настолько поражён изменой собак, он уже тогда сообразил бы, что можно не опасаться беды. Венны считали бесчестьем уби-

вать тех, с кем довелось разговаривать. По их вере, слово накладывало узы не менее прочные и святые, чем совместно съеденный хлеб.

А впрочем, сказал себе Бранох, даже и венны, бывает, меняются, если подолгу не живут дома. И вообще, чего только не дождёшься от людей в нынешние времена...

— Посели, Асгвайр, гостей в клеть, — велел он младшему сыну.

Асгвайром паренька звали на улице и во дворе. Под родной крышей, в ближнем кругу родни, жило совсем другое имя, и его случайным прохожим знать было незачем. И уж к домашнему очагу их, само собой, пускать тоже не стоило.

— Я странствующий учёный из благословенной Аррантиады, люди так и называют меня — Собиратель Премудрости, — представился спутник венна. — А это мой слуга и телохранитель. Я зову его Зимогором.

Бранох только кивнул, в свою очередь называя себя и семью. Он ничуть не сомневался, что имена гостей тоже имели весьма слабое отношение к истинным.

Двор внутри тына оказался устроен примерно так же, как и большинство сегванских дворов, виденных до сих пор Волкодавом. Посередине — длинный дом с единственной дверью, обращённой на юг. Дом напоминал продолговатую насыпь, снизу доверху заросшую травой и цветами; лишь в двух местах зелёный покров нарушали отверстия дымоходов. Волкодав знал, что внутри скрывался уютный бревенчатый сруб, очаги в полу, широкие лавки вдоль стен и спальные клетушки по числу малых семей. Снаружи стены и крыша дома были толсто засыпаны камнями и землёй и высланы дёрном. Переселившись с голого острова на материк, в изобильные лесом места, сегваны упрямо продолжали строить жильё по прародительскому завету. Только рубленые клетки, видневшиеся поблизости, были точно такими, какие ставили у себя коренные местные жители. Ну да клеть — это не дом с очагом, святости в ней немного.

Асгвайр отворил для гостей дверь, зажгёт лучину, вставленную в кованый железный светец, и предложил стелить

постели на опрятном берестяном полу. Пахло в клети хорошо: мёдом и хлебом. Асгвайр уже собрался прочь и прикрывал за собой дверь, когда в смыкающуюся щель, беззвучно извернувшись в полёте, проскользнула снаружи большущая, с голубя, летучая мышь. Пока сын бортника испуганно соблажал, как будет выпроваживать ночного охотника вон, ушастый зверёк деловито облетел покойник кругом, а потом вспорхнул на плечо венну — и устроился там, словно на привычном насесте.

Выкатываясь за порог, Асгвайр всё же уступил жгучему любопытству и обернулся. И увидел, как Зимогор поднял руку и дружески погладил маленького летуна. А тот ласково потёрся мордочкой о его шею. Асгвайр чуть не споткнулся о собак, расположившихся у крыльца, и побежал в дом. Всё-таки колдуны!.. Во имя волосатых ляжек Туннворна, колдуны!..

— Ну вот! — сказал Эврих, когда за юным сегваном бухнула дверь. — Как сейчас заложат с той стороны да подпалят, чтобы какой ворожбы не сотворили...

Венн хмыкнул:

— Ты под крышей ночевать рвался, не я.

Он не стал напоминать Эвриху о законе разделённого хлеба, чтимом, насколько ему было известно, простыми сегванами свято. В просвещённой Аррантиаде этот закон, как и многие другие незыблемые древние установления, был почти позабыт. Арранты по-прежнему встречали приезжих людей угощением, но уже немногие доподлинно знали, почему так. Вот пускай Эврих и боится. Впредь на пользу пойдёт.

Через некоторое время в дверь заскреблись. Волкодав, как полагалось «слуге и телохранителю», её отворил. Оказывается, это Асгвайр принёс позднюю вечерю гостям.

Волкодав принял деревянное блюдо, поблагодарил юношу и сказал:

— Отведай с нами угощения, сын славных родителей.

В таких случаях у сегванов упоминалось лишь об отце, но венн, выросший на том, что в семье правила мать, побороть себя не умел. Асгвайр осторожно присел на высокий, в локоть, порог. Мышь немедленно снялся с деревянного гвоздя,

на котором висел, подлетел к хозяйскому сыну, сел рядом на толстое бревно и принялся любознательно обнюхивать его руку. Волкодав отметил про себя, что настоорожившийся паренёк руки не отдёрул.

На блюде лежало обычное сегванское угощение: ячменные лепёшки, жареная рыба, творог и мёд. И жбан с сывороткой, которой это племя запивало почти всякую пищу. И ещё печёная в сметане прошлогодняя тыква, сохранять и готовить которую переселенцев научили местные сольвенны.

Асгвайр во все глаза смотрел на двоих чужаков. Он несколько не сомневался, что аррант слукавил, назвавшись странствующим учёным. Дураку ясно, что не бывает учёных таких молодых, загорелых и широкоплечих. Учёные — это длиннобородые старцы, измождённые и высохшие за книгами. И если они путешествуют, то с целыми караванами стражи и слуг. А вовсе не с единственным телохранителем.

Заметив внимательный взгляд юноши, мнимый учёный обратился к нему:

— Медоносны ли пчёлы твоего батюшки, друг мой?

— Милостью Храмна, не жалуемся, — с готовностью ответил Асгвайр. Начало беседе было положено, и он отважился спросить: — Не в обиду будь сказано, куда ты держишь путь отсюда, почтенный? Наверное, в Галирад, на праздник?

Волкодав уже вытащил из заплечного мешка небольшую чашку, покрошил в неё хлеба, рыбы, тыквы и творога и залил всё сывороткой — для Мыша. При этих словах Асгвайра он мысленно пробежал в уме все сольвеннские праздники и удивился, не припомнив подходящего. Эврих, видимо, подумал о том же.

— Прости моё невежество, отпрыск славного батюшки, — медленно проговорил аррант. — Я давно не бывал в здешних местах. Какому празднику нынче радуются в сольвеннской державе?

— Ну как же! — в свою очередь удивился Асгвайр. — Государыня кнесинка подарила государю наследницу. Неужели ты не слышал?

Эврих, не утерпев, оглянулся на Волкодава.

— Я действительно давно не бывал здесь, — сказал он затем. — Больше двух лет. Когда я прошлый раз приезжал в Галирад, городом правил кнес Глузд Несмеянович, и он, к несчастью, был вдов. Как раз тогда он выдавал замуж дочь, но она, сколь я знаю, так и не доехала до жениха... пропала где-то в горах. Это было большое горе. Возможно ли, чтобы кнесинка Елень...

— Да нет! — тряхнул головой Асгвайр, так что за плечами мотнулся длинный хвост русых волос, связанных шнурком на затылке. — Храпну было угодно, чтобы государыня Елень Глуздовна так и не возвратилась. Глузд Несмеянович, храни его наши и сольвенские Боги, по-прежнему вождь и правит мудро и справедливо. Только теперь он снова женился, и жена родила ему девочку. То есть мы, сегваны, считаем, что лучше бы мальчишку, но по их Правде женщины тоже может наследовать...

Боязливая застенчивость понемногу оставляла его, он разговорился и был очень рад, что может чем-то удивить бывалых путешественников.

— Сколько я помню, кнес много зим скорбел по жене, — сказал Эврих задумчиво. — Кто же та, что сумела так счастливо утолить его скорбь?

— Она родом вельхинка, — ответил Асгвайр. — Вельхи, они и так гордые, а теперь вовсе зазнаются. Особенно ключинские, — слышал, может, это те, что на Сивуре живут. Теперешняя государыня раньше была воительницей и служила кнесинке Елень, когда ту везли к жениху. Я слышал, она вправду здорово дерётся и спуску никому не даёт. Она сражалась у Трёх Холмов и ещё потом, когда сопровождала дочь кнеса. Люди говорят, она ничего не боится. Ещё говорят, будто она очень красивая, хотя и черноволосая. Её зовут Эртан, дочь Мохты Быстрых Ног. Забавные имена у этих вельхов, правда?

Волкодав невольно отвернулся, пряча глаза. Он понял, о ком шла речь, сразу, как только услышал, что новая кнесинка была родом из вельхов. Эртан!.. Венн вспомнил гордую голову в короне чёрных кудрей, бесстрашный взгляд

серых глаз, маленькие руки, легко управлявшиеся и с тяжёлым мечом, и с поводьями стремительной колесницы... Полюбуженное, залитое кровью тело и длинный нож, торчавший у левой груди... Госпожа кнесинка Эртан определённо найдёт, о чём рассказать маленькой дочери, когда та подрастёт и захочет стать воительницей, как мать.

— Как люди зовут девочку? — неожиданно для себя самого спросил он Асгвайра.

И услышал в ответ:

— Любимой. По первой жене государя.

Эврих заговорщицки воздел палец, потом порылся в кожаной сумке, вытащил глиняную бутылочку и налил понемногу в три кружки.

— Да продлят Боги Небесной Горы дни доброго кнеса и молодой кнесинки и да оградят Они безгрешную малышку от всякого зла!

Асгвайр искренне присоединился. Они выпили по глотку чудесного виноградного вина, привезённого с родины Эвриха. Ласковый жар тотчас разбежался внутри, помогая отвлечься от забот и насладиться беседой.

— Так ты, почтенный учёный, в Галирад направляешься? — снова спросил Асгвайр.

— Нет, — ответил аррант. — Мы теперь через горы, в Нарлак.

Волкодав про себя только pokrивился. И что за нужда была вот так вываливать чужому парню свои истинные намерения?.. Нарвёшься на разбойного подсыла, а то вовсе на дурной глаз! Эврих, однако, был воспитан иначе. За что время от времени и платился.

А у Асгвайра уже разгорелись глаза.

— В Нарлак!.. Значит, не ошибся отец и вы в самом деле друзья тем семерым?..

— Каким семерым?..

Асгвайр стал рассказывать о похождениях семёрки наёмников, наведшей страху на соседа-сыродела и его трусливых подпасков.

— Вот это люди!.. — восхищённо смаковал он драку с работниками. — Таким никто не указ! Захотели — и взяли, что

приглянулось! Так всегда поступают герои. Пастухов было двенадцать, но они разбежались, как крысы!

Всё то, что самого Браноха приводило в ужас и возмущение, у его младшего сына вызывало восторг. Волкодав заподозрил, что у мальчика были крепкие нелады с кем-то из упомянутых пастухов и что выяснение отношений вряд ли обошлось без ссадин.

— Как я понял, среди той семёрки были сегваны, — продолжал Асгвайр. — Наши, островные. Значит, не все ещё к земле приросли, не у всех вместо крови такая вот сыворотка потекла...

Волкодав сказал ему:

— Жалко, что они проходили не через ваш двор.

Он-то слишком хорошо знал, что наёмники вполне могли не только слопать корову и разметать ульи, но ещё и начать ловить за волосы пригожих сестрёнок Асгвайра. Однако тот не заметил насмешки.

— Ты прав: жалко! — вздохнул юный сорвиголова. — Я попросился бы с ними! Что мне здесь, дома? Я четвёртый сын у отца. Я надеюсь, Храмн в Своей мудрости ещё долго не станет призывать нашего батюшку, но дойдёт ведь когда-нибудь и до наследства! И что мне достанется? Рой, вылетевший из улья?.. Вот уж спасибо. А наёмники... Им щедро платит тот, к кому они нанимаются. И ещё они берут добычу. Что взял оружием, то и своё, ни на кого не надо оглядываться! Их все девушки любят! А если они погибают, то погибают в бою, с мечами в руках, и Длиннобородый берёт их на небо, сражаться и пировать в Дружинном Чертоге!

Волкодав про себя полагал, что сегванский Небесный Вождь таких вот наёмников если куда и отправлял, то разве в чернейшую преисподнюю, клацать зубами на вековечном морозе. Какому Богу любезны насильники и убийцы?..

— Ваши друзья наверняка идут в Нарлак по тропе, проложенной мимо Утёса Сломанных Крыльев, — блестя глазами, продолжал юный сегван. — Они тоже были пешком: горы у нас тут не очень высокие, только на лошади всё одно не проедешь...

Волкодав это знал. Здешний кряж потому и назывался Засечным, что нашествия из Нарлака можно было не опасаться.

— ...Но если вы возьмёте меня с собой, я покажу вам короткий путь. Там почти всё время надо лезть, но зато мы нагнали бы тех семерых ещё до Утёса...

— Они нам не друзья, — хмуро сказал Волкодав. — И мы тебя с собой не возьмём, даже если твой отец разрешит.

У мальчишки расцвели на щеках горячие малиновые пятна.

— Мне семнадцать зим, я взрослый мужчина! Такому, как я, в старину уже подарили бы боевой корабль, чтобы стал кунсом и славу себе завоёвывал! У меня и меч есть, вот! Я его в земле нашёл, вычистил!

Он даже забыл удивиться тому, что, когда дошло до самого интересного, речи неожиданно повёл слуга, а господин замолчал.

— И никакие они не герои, — точно не слыша, безжалостно приговорил Волкодав. — Ворьё и разбойники. А ты научился мечом владеть, ну и молодец. Может, пригодится дом защитить.

Он видел, что Асгвайр оскорбился. Юный сегван так и заёрзал на месте и не наговорил резкостей только потому, что помнил о гостеприимстве. Терпи всё, что делает гость. Ибо почём тебе знать, кто перешагнул твой порог? Человек вроде тебя самого или дух лесной, похитивший людское обличье? Могущественный волшебник? Или вовсе Бог, надумавший проведать и испытать Своих чад на земле?.. Легенды немало рассказывали, что случается с теми, кто обижает гостей.

Вот и Асгвайр — задушил бы этого Зимогора за оклеветанную мечту!.. — вежливо посидел в клетке ещё какое-то время, рассуждая о вещах, никоим образом не касавшихся наёмников и воинской славы. Потом забрал опустевшее блюдо, пожелал добрых снов и ушёл.

Проводив его, Эврих не без некоторой торжественности раскрыл свою сумку, вынул из неё непроницаемый для сырости чехол и долго распутывал туго стянутые завязки. На-

конец лучина, ронявшая угольки в корытце с водой, озарила пачку чистых пергаментных листов, чернильницу с навинченной крышкой и перо для письма, составлявшее предмет особой гордости грамотея. Это перо сотворил его добрый друг и учитель Тилорн, знавший многое, неведомое лучшим умам Верхней Аррантиады, не говоря уж о Нижней. Дивное писало могло сразу принять в себя изрядную толику чернил и потом отдавать их строка за строкой, не требуя постоянного обмакивания в сосуд с «кровью учёности».

Удобно разложив всё на полу, Эврех снял с пера наконечник и на некоторое время замер в задумчивости. Потом глубоко вздохнул, сосредоточиваясь, точно жрец перед божественной службой, помедлил ещё немного и наконец каллиграфически вывел на нетронутом гладком листе:

ДОПОЛНЕНИЯ

*к Описаниям стран и земель, многими премудрыми мужами,
в особенности же Салегрином Достопочтенным,
дольше созданным, Эврехом из Феда
скромно составленные.*

Увы, рядом не было человека, способного разделить вдохновенный трепет творца, стоящего при начале нового замечательного труда. Труда, который, быть может, станет одной из жемчужин великой библиотеки немеркнувшего Силиона. Одна книга Эвреха уже там хранилась, и это предъявляло к его новой работе особые требования. Аррант полюбовался заглавием, одновременно скромным и полным несуетного достоинства, и начал писать. Первые слова, открывающие книгу и потому особенно важные, были придуманы давным-давно.

Волкодав оставил его трудиться и вышел наружу. Небо было ясное, и он попытался разыскать на нём знакомую звезду. Звезду Тилорна. Ничего не получилось: мешала ярко разгоревшаяся луна.

«Как учит твоя вера о звёздах, друг Волкодав?» — спросил его однажды пепельноволосый мудрец. Дело было в Беловодье, вскоре после того, как они попали туда, кувырком вывалившись

из Врат. Волкодав ещё с трудом двигался, медленно оправляясь от ран. Если бы расспрашивать его взялся Эврих, он бы, наверное, на всякий случай совсем не стал отвечать. С Эврихом держи ухо востро. Недорого возьмёт, посмеётся. Да ещё и варваром обзовёт. Тилорн тоже временами бывает хорош, но хоть нарочно издеваться не станет. И Волкодав ответил ему:

«У нас верят, что это глаза душ, глядящих с седьмого неба. Там Остров Жизни. Праведные души отдыхают на нём, ожидая новых рождений».

Тогда тоже стояла ночь, и над головами ярко горели негасимые лампы небес.

«А у нас, — сказал Тилорн, — полагают, что это просвечивают сквозь все небеса другие Вселенные. И каждая звезда — огромный огненный шар, светило иных миров».

Волкодав не стал возражать. Спорить он не любил. И потом, ему встречались верования ещё заумней. Даже такие, что вовсе не находили в мироздании места Богам. Ну мало ли какой зримый облик могли принять души, ожидавшие нового воплощения? Огненные шары были ничуть не хуже прочего...

«Видишь звёздочку во-он там, возле копыта Лосихи?» — спросил Тилорн.

«Вижу».

«Это мой дом, — грустно проговорил мудрец. — Я родился в мире, где светит эта звезда».

Как ни дико звучали его слова, Волкодав поверил сразу. Лгать Тилорн попросту не умел. Он был способен молчать, даже умирая под пытками, но способностью ко лжи Хозяйка Судеб его обделила начисто.

«Ты, наверное, хочешь вернуться туда?» — только и спросил венн.

Тилорн вздохнул.

«А можешь?»

Тилорн снова вздохнул:

«Теоретически...»

Что такое теоретически, Волкодав уже знал. Это вроде того, что на самом деле голый и безоружный человек может кулаком свалить мономатанского тигра. Но вот поди-ка соверши это в жизни!

«В чём загвоздка-то? — спросил Волкодав. — Колдовать разучился?»

Оглавление

1. БОРТНИК И ЕГО СЫН	7
2. СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ	33
3. НА ТРЕТЬЮ НОЧЬ	57
4. ДОМ У ДОРОГИ	85
5. МЛАДШИЙ БРАТ	115
6. ПЕРЕГРЫЗЕННЫЙ КНУТ	147
7. ГОРОД КОНДАР	191
8. СОНМОР	233
9. ЖЕНА ЮВЕЛИРА	283
10. ТЫСЯЧНЫЙ ДЕНЬ	321
11. В МОРЕ	359
12. ВСАДНИК	397
13. ЧЕТЫРЕ ОРЛА	427
14. ЗЕЛЁНАЯ РАДУГА	461
15. ДОЛИНА ЗВЕНЯЩИХ РУЧЬЁВ	497
16. ОТДАННЫЕ ДОЛГИ	523

Семёнова М.

С 30 Волкодав : Право на поединок : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 576 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-07527-6

Он вернулся. Он прошёл сквозь Врата иного мира, чтобы продолжить свой поединок со злом. Холодная сталь берегла его днём, собачья шерсть — ночью. Он был последним в роду, но, пока он был жив, Серые Псы не потеряли своё право на поединок.

Цикл Марии Семёновой о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Право на поединок» рассказывает о приключениях последнего воина из рода Серого Пса после событий, произошедших в романе «Волкодав».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА
ВОЛКОДАВ
ПРАВО НА ПОЕДИНОК

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 01.08.2019.
Формат издания 84 × 108^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MSN-4556-04-R